

ЗНАЧЕНИЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

ВИГЕН КОЧАРЯН

Международная защита прав национальных меньшинств основана на объемной нормативно-правовой базе. В широком смысле систему правового регулирования защиты меньшинств составляют основополагающие для современного международного права документы, такие как Устав ООН, Декларация ООН 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между народами, Заключительный акт совещания в Хельсинки 1975 года, а также многие другие. Защита национальных меньшинств, будучи подсистемой более широких систем правового регулирования, в той или иной степени базируется на соответствующих международно-правовых актах.

Среди указанных документов можно выделить те, которые содержат нормы, непосредственно касающиеся защиты прав национальных меньшинств или же специально принятые с этой целью. К их числу прежде всего относятся Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, международные пакты о правах человека 1966 года, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 года, многие документы СБСЕ, в особенности документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года, документы Совета Европы, в частности, Рамочная конвенция о защите меньшинств 1995 года, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 года, принятая в 1994 году главами государств – членом СНГ, Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

В приведенном перечне есть документы, которые предусматривают контрольные механизмы, направленные на защиту прав национальных меньшинств. Среди них прежде всего выделяется Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, действующий при Совете Европы, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, а также Комитет по правам человека, предусмотренный Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года.

Можно по разному оценивать эффективность указанных механизмов, особенно учитывая то обстоятельство, что они предусматривают различные методы контроля за соблюдением государствами взятых на себя обязательств

в сфере защиты прав человека. Необходимо отметить, что наиболее эффективным международным механизмом защиты прав человека является Европейский суд по правам человека. И хотя ни сама Европейская конвенция, ни дополнительные протоколы не предусматривают специальных норм, направленных на защиту прав национальных меньшинств, тем не менее в результате его деятельности возникла значительная судебная практика, что позволяет говорить о формировании прецедентного права в этой сфере.

Практика Европейского суда по правам человека – важный компонент современной системы защиты прав меньшинств. Следует учесть, что данная сфера европейской судебной практики в большей степени остается малоизученной, хотя и содержит ценный массив толкования норм, касающихся непосредственной реализации прав и свобод человека представителями национальных меньшинств.

Находящийся в Страсбурге Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) является первым постоянно действующей международной судебной инстанцией по правам человека в мире. Все страны члены Совета Европы являются участниками Европейской конвенции о защите прав человека, согласно которой ЕСПЧ может принимать жалобы от лиц или организаций, которые утверждают, что их права в соответствии с конвенцией и ее протоколами были нарушены.

Хотя ЕСПЧ является хорошо развитым и реально функционирующим механизмом защиты прав человека, долгое время оставался открытым вопрос о том, что он может сделать для обеспечения прав национальных меньшинств. Национальные меньшинства не упоминаются в ЕКПЧ, за исключением статьи 14, в которой говорится, что "пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку <...> принадлежности к национальным меньшинствам".

Поскольку никакие конкретные права меньшинств не признаны, может показаться, что их нельзя отстаивать посредством ЕСПЧ. Однако эта точка зрения ошибочна. Внимательное изучение дел, рассмотренных судом, особенно за последние годы, показывает, что многие положения ЕКПЧ могут быть использованы меньшинствами для защиты своих интересов, в том числе своего языка, религии или культуры. Кроме того, многие права меньшинств основаны на общих правах человека и могут быть успешно заявлены и защищены.

В тоже время практика ЕСПЧ, касающаяся прав представителей национальных меньшинств, предполагает учет современной нормативно-правовой базы. В немалой степени это подтверждается формирующейся практикой самого суда, чьи решения все чаще напрямую отсылают к различным международно-правовым актам и решениям международных органов.

Ныне актуальным представляется вопрос о том, в какой форме и в каких пределах эти права отражены в позициях ЕСПЧ.

Право на существование является одним из фундаментальных элементов современного международно-правового статуса национальных меньшинств. Его признание прежде всего предполагает необходимость его защиты, которая осуществляется следующим образом: государства обязуются не предприни-

мать каких-либо действий, могущих угрожать существованию национального меньшинства, и запрещать их. Согласно международному праву¹ на них лежит обязанность преследовать за совершение следующих действий, предпринятых с целью полного или частичного уничтожения национального меньшинства: убийство членов национального меньшинства; причинение тяжких телесных повреждений членам национального меньшинства; предумышленное создание для членов национального меньшинства таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное его физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде национального меньшинства; насильственная передача детей членов меньшинства в другую человеческую группу.

Речь фактически идет о геноциде – наиболее тяжком преступлением против человечества и вопиющем нарушении прав человека. В качестве одного из первых примеров можно привести опустошительный геноцид в Западной Армении, организованный турецким правительством в 1915 году, жертвами которого стали более 1,5 миллиона человек. Вопрос о международно-правовой и политической ответственности за события тех лет до сих пор остается открытым, что было и является одной из причин возможного повторения подобных трагедий.

Закономерен вопрос о современном отношении международного права к насильственной ассимиляции, которая также может рассматриваться как посягательство на существование национальной общности. На наш взгляд, с принятием Международного пакта о гражданских и политических правах появилась норма, хотя и прямо не осуждающая недобровольную ассимиляцию, но налагающая на государства обязательство уважать право национальных меньшинств на сохранение своей самобытности. Поэтому в современных условиях целенаправленную политику национально-культурного геноцида, недобровольную ассимиляцию нужно считать прямым нарушением Пакта о гражданских и политических правах, в частности статьи 27. Существуют и другие нормы, направленные против культурного геноцида. К примеру, принятая в 1995 году Советом Европы Рамочная конвенция о защите меньшинств возлагает на государства соответствующие обязательства: "...участники воздерживаются от политики и практики, направленных на ассимиляцию лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, против их воли и защищают этих лиц от любых действий, направленных на такую ассимиляцию".

По сей день предпринимаются попытки определить и закрепить в правовых нормах понятие культурного геноцида. В 1992 году Рабочая группа по коренному населению Подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств разработала проект Декларации прав коренных народов, в котором культурный геноцид по отношению к коренным народам определяется как: "1) любое действие, которое имеет целью или результатом лишение их целостности как отдельных обществ, или их культурных или этнических характеристик или самобытности; 2) любая форма насильственной ассимиляции или интеграции путем навязывания других культур или образов жизни; 3) ли-

---

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, ст. II.

шение их права владения своими землями, территориями или ресурсами; 4) любая пропаганда, направленная против них"².

Рассматриваемый аспект защиты права на существование довольно подробно разработан и в другом международном акте – в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года. В нем говорится: "Государства-участники четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было... Они заявляют о своем твердом намерении активизировать усилия по борьбе с этими явлениями во всех их формах и потому

(40.1) – будут принимать эффективные меры, включая, в соответствии с их конституционными системами и их международными обязательствами, принятие таких законов, которые могут быть необходимы для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти, включая антисемитизм;

(40.2) – возьмут на себя обязательство принять надлежащие и соответствующие меры для защиты лиц или групп, которые могут подвергаться угрозам или актам дискриминации, враждебности и насилия в результате их расовой, этнической, культурной, языковой или религиозной самобытности, и для защиты их собственности..."

Сходное положение зафиксировано и в Рамочной конвенции Совета Европы, где устанавливается: "Участники обязуются принимать надлежащие меры для защиты лиц, которые могут стать объектом угроз или актов дискриминации, враждебности или насилия вследствие их этнической, культурной, религиозной или языковой принадлежности"³.

Все это позволяет выделить четыре основных аспекта права национальных меньшинств на защиту от деятельности, угрожающей их существованию:

1) защита от физического уничтожения (предусмотрена Конвенцией против геноцида 1948 года);

2) защита от уничтожения культурной самобытности (косвенно вытекает из содержания ст.27 Международного пакта о гражданских и политических правах, предусмотрена ст.5 Рамочной конвенции), необходимость признания и правового закрепления концепции культурного геноцида;

3) территориальный аспект права на существование, "право на родину";

4) защита от пропаганды ненависти, вражды и насилия по отношению к национальным меньшинствам.

Таков современный международно-правовой "минимальный стандарт" поведения государств по отношению к национальным меньшинствам, который, несомненно, нуждается в дальнейшем развитии. Очевидно, что он не охватывает все возможные и весьма реальные угрозы существованию нацио-

---

² UNDOC. E/CN.4/Sub.2/1993/29.

³ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, § 40.

нальных меньшинств, поэтому нам представляется целесообразным и необходимым его дополнение и другими международно-правовыми положениями, устанавливающими наиболее полные гарантии права меньшинств на существование. Прежде всего это относится к проблеме национально-культурного геноцида или, как часто его называют, этноцида.

Практика Европейского суда по правам человека в сфере защиты прав национальных меньшинств указывает на отсутствие сколь-либо значимых прецедентов, связанных с обеспечением права национальных меньшинств на физическое существование. Оставим в стороне дискуссионный вопрос о том, содержит ли Европейская конвенция соответствующий правовой инструментарий, могущий быть использован для этой цели. По всей видимости, данный факт предопределяется тем, что за время действия ЕКПЧ в государствах – участниках конвенции не ставилось под прямую угрозу физическое существование меньшинств. Что же касается их права на защиту от угрозы национально-культурному существованию, то определенная практика в этой сфере деятельности суда все же имеется. Основная сложность здесь заключается в том, чтобы разграничить практику ЕСПЧ, касающуюся защиты права на самобытность, и судебные прецеденты, связанные с национально-культурным аспектом права на существование. Основным разграничивающим фактором должна быть правовая природа соответствующих обязательств государств: в первом случае имеют место их позитивные обязательства по созданию условий для сохранения национально-культурной самобытности меньшинств, в контексте же права на существование подразумеваются негативные обязательства государства воздерживаться от действий, направленных на уничтожение самобытности меньшинств.

В условиях такого разграничения судебная практика ЕСПЧ выявляет ряд прецедентов, которые могут быть тесно увязаны с национально-культурным аспектом права национальных меньшинств на существование.

Одно из таких дел – *Gorzelik and Others v. Poland*, в решении по которому суд отметил, что «польские власти, обосновывая отказ в регистрации ассоциации заявителей под названием «Союз людей силезской национальности», основывались на том, что предложенное название и конкретные положения союзного меморандума ассоциации, характеризующего силезцев как «национальное меньшинство», подразумевают, что истинными намерениями заявителей являлся «обход» положений избирательного закона страны (см. пункты 19 и 23).

Важен также и факт, что признание данной этнической группы «национальным меньшинством» в процессе регистрации ассоциации заявителей автоматически присваивал бы им право на специальные привилегии, которые предоставляются национальным меньшинствам законодательством (см. пункты 19, 23 и 40).

В дальнейшем власти опирались на позицию (с которой заявители не соглашались) о том, что силезцы являются не «нацией» или «национальным меньшинством», а скорее одной из этнических групп польских граждан. Соот-

ветственно, название, выбранное заявителями для ассоциации, обманывало бы общественность и противоречило бы закону. Обосновывая свою позицию, правительство ссылается на принцип равенства перед законом, утверждая, что регистрация ассоциации, заявленной как «Союз людей силезской национальности», может привести к дискриминации в отношении других этнических групп (см. пункты 19, 23 и 41).

62. Суд подчеркнул, что в его обязанности не входит выражение собственного мнения относительно обоснованности заявления о принадлежности силезцев к «национальным меньшинствам». На самом деле, интерпретация формулировки «национальное меньшинство» представляется Суду наиболее сложной даже в контексте международных документов, в том числе Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. ...Следовательно, группы, которые не были признаны национальными меньшинствами в соответствии с двусторонними соглашениями о сотрудничестве между странами, упомянутые в пункте 53, могут получить только «непрямое» признание в качестве национального меньшинства через процедуру регистрации ассоциаций.

63. Хотя Суд считает, что этот пробел в законе оставил степень правовой неопределенности для частных лиц и степень свободы для властей, тем более, что лица, утверждающие свою принадлежность к меньшинству с тем чтобы быть признанным в качестве таковых, должны были использовать порядок, который не был предназначен для этой цели, он не полагает, что этот факт сам по себе имеет последствия для прав заявителей в соответствии со статьей 11...»⁴.

Другим известным делом связанном с сохранением идентичности национальных меньшинств, рассмотренном в суде является дело *Beard v. The United Kingdom*, в решении по которому “Суд считает, что владение заявителями домом-фургоном является неотъемлемой частью их этнической самобытности как цыган, отражающей давнюю традицию данного меньшинства, вытекающую из странствующего образа жизни. Это так даже в том случае, если в результате развития и осуществления соответствующих мер государственной политики, многие цыгане не ведут более исключительно кочевой образ жизни и все чаще останавливаются на одном месте для того, чтобы способствовать, например, образованию своих детей. Меры, касающиеся размещения дома-фургона заявителей, имеют, таким образом, более широкое воздействие на права, чем воздействие на право на уважение жилища. Они также затрагивают их способность поддерживать их самобытность как цыганки, а также вести ее личную и семейную жизнь в соответствии с данной традицией”⁵.

В контексте другого дела “Суд отмечает в первую очередь, что цели объединения под названием «Дом македонской цивилизации», указанные в его учредительном акте, заключались исключительно в сохранении и развитии традиций и народной культуры региона Флорина (см. пункт 8 выше). Подобные цели представляются Суду совершенно прозрачными и правомерными; жители вправе создавать объединения для того, чтобы пропагандировать ха-

---

⁴ *Gorzelik and others v. Poland*, (44158/98) [2004] ECHR 72 (17 February 2004).

⁵ *Chapman v. United Kingdom* (Application No. 27238/95) 33 E.H.R.R. 399 [2001].

рактерные особенности региона как по историческим, так и по экономическим причинам. Даже если предположить, что учредители объединения, подобного тому, с которым связано настоящее дело, защищают сознание меньшинства, Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (раздел IV) от 29 июня 1990 года и Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 года, которые подписала Греция, позволяет им создавать ассоциации для защиты их культурного и духовного наследия”⁶.

Обширная практика суда направлена на защиту такого важного аспекта права на существование, как религиозная самобытность. И это закономерно, так как в ряде случаев именно религиозная самобытность является ключевым фактором, детерминирующим самобытность общности. Помимо того, судебная практика в этой сфере представляет особый интерес и в контексте ситуации в Армении, где не утихает общественная дискуссия о формах и пределах осуществления религиозных свобод.

Из практики ЕСПЧ, касающейся свободы исповедания, можно выделить *Agga v. Greece*, в котором ”Суд напоминает, что, хотя религиозная свобода является прежде всего вопросом личной совести, она также подразумевает среди прочего свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным порядком в богослужении и обучении (см., *mutatis mutandis*, the *Kokkinakis v. Greece* решение от 25 мая 1993 года, серия А № 260-А, с. 17, § 31)”⁷.

В деле *Cyprus v. Turkey*, где “Суд соглашается с фактами, установленными комиссией, которые не оспаривались государством-заявителем. Государство-заявитель не настаивало на том, что власти ТРСК вмешивались в право греко-киприотского населения исповедовать свою религию индивидуально, а также сообща с другими. В самом деле, доказательства такого вмешательства отсутствуют. Вместе с тем ограничения на свободу передвижения этой группы населения в течение рассматриваемого периода в значительной мере мешали этим людям следовать своим религиозным убеждениям, в частности, препятствовали посещению мест традиционного поклонения за пределами их поселений и их участию в других аспектах религиозной жизни”⁸.

В решении по делу *Kokkinakis v. Greece* Суд отмечает, что ”в соответствии со статьей 9 свобода исповедовать свою религию не только осуществима в сообществе с другими, «публично» и внутри круга тех, чью веру разделяет человек, но может утверждаться и «индивидуально», «в частном порядке»; более того, она включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего, например, через «обучение», без чего «свобода изменения [своей] религии или верования», закрепленная в статье 9, осталась бы мертвой буквой”⁹.

В другом деле, касающемся Греции, *Larissis and Others v. Greece* суд отметил, что ”статья 9 не защищает любой акт, мотивированный или вдохновленный религией или верованием. Она, например, не защищает неуместный прозе-

---

⁶ *Sidiropoulos and others v. Greece*, (57/1997/841/1047), ECHR, 10 July 1998

⁷ *Agga v. Greece* (No 4) (Application no. 33331/02) ECHR (13 Jul 2006)

⁸ *Cyprus v. Turkey*, (Application no. 25781/94) ECHR 2001-IV, (2002) 35 EHRR 731

⁹ *Kokkinakis v. Greece*, (Application no. 14307/88) ECHR 20 (25 May 1993)

литизм в виде предложения материальных или социальных выгод или применения неправомерного давления с целью получения новых членов для церкви”¹⁰ (там же, с. 21, § 48).

По поводу *Manoussakis and Others v. Greece* суд пришел к фундаментальному выводу о том, что ”право на свободу религии, как оно гарантируется Конвенцией, исключает оценку государством легитимности религиозных вероисповеданий или способов их выражения”¹¹.

Другим правом национальных меньшинств является их право на выражение, сохранение и развитие своей культурной самобытности (право на самобытность), зафиксированное во множестве международно-правовых актах. Практика Европейского суда полностью подтверждает его. Так, в деле *Beard v. The United Kingdom* суд отметил, что “уязвимое положение цыган как меньшинства означает, что особое внимание должно быть уделено их потребностям и их особому образу жизни как при принятии соответствующей политики планирования, так и в разработке решений в конкретных делах (с. 1292-95, §§ 76, 80, 84). Таким образом, статья 8 предполагает позитивные обязанности государства-участника по обеспечению охраны образа жизни цыган”¹².

В то же время в целом ряде дел (*Inhabitants of Alsemberg and Beerselv. Belgium, Fryske Nasjonale Partij and Others v. The Netherlands, Georges Clerfayt Pierre Legrosetal. v. Belgium* и др.) суд отметил, что право на пользование родным языком – важный аспект самобытности меньшинства – не защищено Европейской конвенцией и соответствующие ограничения не могут рассматриваться нарушениями таковой: “Фактически нет такой статьи в Конвенции или Первом Протоколе, которая прямым образом гарантировала бы "свободу языка", как таковую”¹³.

Помимо прав на существование и на культурную самобытность, за меньшинствами закреплена и другая группа прав, которые можно обозначить как право на равноправие или право не подвергаться дискриминации.

Запрещение дискриминации, закрепленное в документах, посвященных защите прав человека, рассматривается здесь именно в этом контексте; таким образом, равенство всех перед законом, предотвращение дискриминации являются неотъемлемыми компонентами защиты прав человека, играющими большую роль в обеспечении их всеобщности и универсальности.

Не меньшую, если не равную роль играет запрет и предотвращение дискриминации меньшинств. Может показаться, что это утверждение противоречит выводам о том, что предотвращение дискриминации и защита меньшинств – различные, отличные друг от друга правовые институты. Предотвращение дискриминации в основном направлено на обеспечение равноправия и равенства индивидов перед законом, в то время как защита меньшинств имеет задачей защитить саму группу, ее самобытность.

---

¹⁰ *Larissis and Others v. Greece* (Application no. 23372/94) ECHR (24 February 2008)

¹¹ *Manoussakis and Others v. Greece*, (Application no. 18748/91) ECHR (26 September 1996)

¹² *Beard v. the United Kingdom* (Application no. 24882/94) ECHR (18 January 2001)

¹³ *Inhabitants of Leeuw-st. Pierre v. Belgium* (Application no. 2333/64) ECHR (15 July 1965)

Тем не менее, существует глубокая взаимосвязь между дискриминацией и защитой прав национальных меньшинств. Дискриминация, то есть ограничение или отказ в правах, противоправна, если обусловлена тем, что лицо обладает отличными от основного населения признаками (раса, язык, религия). Если лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, пользуясь родным языком или исповедуя свою религию, подвергается дискриминации, это можно расценить как его преследование из-за пользование им правами, реализация которых является важным условием сохранения самобытности и существования группы.

За годы своей деятельности Европейский суд выразил свою правовую позицию по ряду принципиальных дел, напрямую связанных с защитой меньшинств. Так, в деле *Nachova and Others v. Bulgaria* он обратился к применению насилия со стороны правоохранительных структур к представителям национального меньшинства. Важные прецедентные решения касались дискриминации на рынке труда и при поступлении на государственную службу (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. The United Kingdom*, *Sidabras and Dziutas v. Lithuania*, *Vogt v. Germany*).

Особенно много важных прецедентных решений касаются дискриминации в религиозной сфере. Так, в деле *Canea Catholic Church v. Greece* суд отметил, что “заявитель-церковь, которой принадлежат земельные участки и строения, была лишена возможности инициировать судебное дело, чтобы защитить свое имущество, в то время как православная церковь или еврейская община могли без каких-либо формальностей или необходимых процедур сделать это для защиты своей собственности <...> Суд считает, что имело место также нарушение статьи 14 в совокупности с пунктом 1 статьи 6, поскольку не было дано никакого объективного и разумного обоснования для такого различия в обращении”¹⁴.

В другом прецедентном решении *Larissis and Others v. Greece* “Суд отмечает, что заявители в изложении фактов жалобы утверждали, что греческий закон против прозелитизма был применен в дискриминационной манере. Однако они не представили никаких доказательств, которые свидетельствовали бы, что к офицеру вооруженных сил, который пытался обратить своих подчиненных в православную веру в манере, близкой той, что применяли заявители, обращались иначе. Отсюда следует, что не было установлено никаких нарушений статей 9 и 14, взятых вместе, в связи с обращением в веру летчиков”¹⁵.

В целом практика Европейского суда по правам человека позволяет прийти к двоякому выводу. С одной стороны, контрольный механизм Европейской конвенции по правам человека может быть использован для правовой защиты национальных меньшинств и сохранения их самобытности, но, с другой стороны, его нельзя считать полноценным инструментом ввиду ограниченности правовой базы. Отсутствие в тексте конвенции норм, прямо направленных на защиту национальных меньшинств, не может не влиять на эффек-

¹⁴ *Canea Catholic Church v. Greece* (Application no. 25528/94) ECHR (16 December 1997)

¹⁵ *Larissis and Others v. Greece* (Application no. 23372/94) ECHR (24 February 2008)

тивность применения национальными меньшинствами механизма Европейского суда. Однако несомненная связь между нарушениями прав человека и прав меньшинств (в основном в сфере религиозных свобод и защиты от дискриминации) позволяет представителям последних добиваться восстановления защищенных Европейской конвенцией индивидуальных прав человека, что, несомненно, сыграет позитивную роль в контексте защиты групповых прав меньшинств.

ՎԻԳԵՆ ԲՈՉԱՐՅԱՆ – Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի պրակտիկայի նշանակությունը ազգային փոքրամասնությունների պաշտպանության ենթատեքստում – Հոդվածում վերլուծության են ենթարկվում Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի իրավական դիրքորոշումները ազգային փոքրամասնությունների իրավունքների պաշտպանության հիմնախնդիրների վերաբերյալ: Մի շարք նախադեպային որոշումների և համապատասխան նորմատիվ հիմքի վերլուծությունը թույլ է տալիս եզրակացնելու, որ թեև Մարդու իրավունքների ու հիմնարար ազատությունների պաշտպանության մասին եվրոպական կոնվենցիան չի պարունակում հատուկ դրույթներ, որոնք ուղղված են ազգային փոքրամասնությունների իրավական պաշտպանությանը, այնուամենայնիվ Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի մեխանիզմը կարող է դրական դերակատարում ունենալ ազգային փոքրամասնությունների իրավական կարգավիճակի առանձին տարրերի (օրինակ՝ կրոնի ազատություն, խտրականության բացառում) անրապնդման գործում:

VIGEN KOCHARYAN – Case-Law of the European Court of Human Rights in the Context of the Protection of National Minorities. – The legal approaches of the European Court of Human rights in regard to the protection of national minorities are discussed in the present article. Analysis of the relevant case-law of the European Court of Human Rights and its normative framework allows to conclude that despite the European Convention on Human Rights cannot be considered a full-fledged tool for the protection of national minorities due to its limited legal scope, the mechanism introduced therein can be effectively used for legal protection of the important aspects of the life of national minorities and preservation of their identity, including religious freedom, equality and protection from discrimination.